КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢРНОСТЬ“. № 16.

Левъ Тихомировъ.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РЕЛИГІЯ.

Цѣна 5 к.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1906.

Hpon 38a

43450

Государство и религія.

I.

За все историческое существованіе человѣчества, тѣсная связь между государствомъ и національною религіей составляла фактъ, необходимость котораго не подвергалась никакому сомнѣнію. Даже въ протестантизмѣ, который въ идеѣ заключалъ требованіе свободы разума въ отношеніи вѣры, принципъ тѣсной связи между государствомъ и религіей былъ провозглашенъ едва ли не рѣзче прежняго, хотя и съ характеромъ подчиненія вѣры государству (Cujus regio—ejus religio).

Лишь прошлый XIX вѣкъ ввелъ въ государственную практику идеи своего предшественника, XVIII вѣка, о государствѣ „свѣтскомъ“, чуждомъ какого-либо отношенія къ вѣрованіямъ своихъ гражданъ.

Собственно говоря, этотъ новый принципъ всегда плохо соблюдался на практикѣ и вы-

ражался чаще въ борьбѣ противъ религіи. Но это составляетъ злоупотребленіе, котораго обыкновенно не защищали принципіально сторонники „свѣтскаго“ государства...

Самый же принципъ вообще получилъ чрезвычайное распространеніе. Это, можно сказать, самый „современный“ принципъ, почитаемый выше всякаго оспариванья. И, однако, немного найдется новшествъ государственнаго права, которыя могли бы считаться столь необоснованными, столь чисто-идеологическими, какъ принципъ отстраненія государства отъ религіи народа.

Онъ не только, ни на чемъ не основанъ, но повсюду обличается жизнью въ политическомъ неразуміи. Почти нигдѣ не введенный въ полной мѣрѣ, еще не успѣвшій дать всѣхъ своихъ плодовъ, онъ уже создалъ чрезвычайную шаткость въ государственномъ творчествѣ XIX вѣка и привелъ къ тому, что законъ и власть потеряли подъ собой прочную почву.

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ слабыхъ сторонъ „новаго“ государства, но слѣдуетъ напомнить, что всѣ „новые“ принципы должно принимать къ практикѣ съ крайнею осторожностью, пока они не получили опытной провѣрки, которая въ государственной жизни достаточно дается не годами, а только вѣками жизни. Въ государственныхъ построеніяхъ го-

лось опыта важнѣе самой соблазнительной гипотезы. А о значенія религіи для государства за правоту исторической практики говоритъ не только опытъ, но и разумъ, если мы его выслушаемъ внимательно.

Отношенія государствъ къ религіи не были въ исторіи человѣка безошибочны, какъ вообще все, что дѣлаютъ люди. Нужно знать эти ошибки и избѣгать ихъ. Но величайшею изъ ошибокъ было бы усвоеніе государствомъ религіознаго безразличія.

Дѣло здѣсь не въ личной религіозности правителя или законодателя. Законодатель можетъ быть, напримѣръ, лично въ высшей степени миролюбивъ, но—размышляя о потребностяхъ государства, не можетъ не стараться сохранить въ населеніи духъ мужества. Точно также—и въ несравненно большей степени — законодательный разумъ не можетъ не дорожить религіознымъ духомъ народа, въ виду неразрывной связи религіи съ *нравственностью*.

Государственный порядокъ и энергическое преслѣдованіе цѣлей общественнаго блага достигаются хорошимъ устройствомъ правительственнаго механизма, установленіемъ разумнаго закона, рядомъ мѣръ наблюденія, принужденія, кары, поощренія и т. д. Но какъ бы ни были разработаны законы и усовершенствованы правительственный механизмъ, судъ и администра-

ція, это еще не обезпечиваетъ достиженія благихъ цѣлей государства, если граждане не стремятся по собственному побужденію жить согласно справедливости и своему *нравственному долгу*.

Живое, самостоятельное чувство нравственнаго долга въ душахъ гражданъ есть основа общественнаго блага: когда имѣется это чувство, то и самые недосмотры закона и власти не становятся особенно роковыми, ибо граждане не торопятся воспользоваться возможностію злоупотребленія, и своими самостоятельными нравственными поступками значительно исправляютъ зло, допущенное несовершенствомъ закона или правительственнаго механизма. Наоборотъ, при отсутствіи самостоятельнаго стремленія гражданъ дѣйствовить согласно правдѣ, для государства немыслимо за всѣми углѣдить да и усматривать некому, ибо сами агенты государства, выходя изъ общества, имѣютъ всегда тотъ же характеръ и ту же степень нравственности, какая существуетъ въ народѣ.

Живое *нравственное чувство* составляетъ, такимъ образомъ, основу для успѣха дѣйствій государства. Но государство само по себѣ не имѣетъ способовъ *порождать* это необходимое ему чувство. Государство можетъ принимать мѣры къ тому, чтобы нравственное чувство не подрывалось распространеніемъ безнравствен-

ныхъ ученій, или деморализующимъ зрѣлищемъ торжествующаго порока и т. п. Твердымъ настояніемъ на исполненіи предписанныхъ нормъ жизни и систематическимъ караніемъ преступленія, государство можетъ „дрессировать“ гражданъ, ввести у нихъ соблюденіе правды въ привычку. Но все это имѣетъ полезное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если нравственное чувство чѣмъ-либо „порождается“ въ душахъ, то-есть когда имѣется уже „матеріалъ“, которымъ могутъ оперировать механическія мѣры.

Откуда же взять этотъ необходимый матеріалъ? Чѣмъ „порождается“ нравственное чувство?

Источникъ его нѣкоторые усматриваютъ къ соціальной жизни.

Но это столь же поверхностный взглядъ, какъ объясненіе „произвольнымъ зарожденіемъ“ появленія организмовъ въ каплѣ воды. Внѣшняя среда и ея содержаніе оказываютъ несомнѣнное вліяніе на развитіе микроорганизмовъ, но не порождаютъ ихъ зародышей. Такъ и психическій зародышъ нравственности не порождается обществомъ въ личности. Нравственное чувство лишь находитъ себѣ въ обществѣ извѣстное помѣщеніе, но само по себѣ, по природѣ своей, есть не общественное, *а религіозное.*

II.

Множество практическихъ ошибокъ современной жизни зависитъ отъ утраты пониманія *религіознаго характера этики.*

Этика не отдѣлима отъ религіи.

Нравственное чувство человѣка есть потребность гармоніи ощущеній и дѣйствій своихъ съ „высшею“ силой міровой жизни, съ самою сущностью ихъ. Человѣкъ желаетъ быть въ единеніи съ этою высшею силой, помимо всякихъ расчетовъ о выгодѣ или невыгодѣ. Онъ находитъ, изо всего, что ему можетъ дать жизнь, наивысшую отраду въ сознаніи своего единенія съ самой основой міровыхъ силъ.

Это чувство въ насъ природно. Можно наблюдать его проявленіе даже при матеріалистическомъ міровоззрѣніи.

Такъ происходитъ, напримѣръ, „религія труда“ Эмиля Золя, которую онъ противопоставилъ „недѣланью“ Толстого, и въ которой непрерывная дѣятельность человѣка должна точно гармонировать съ вѣчнымъ творчествомъ При-

роды. Сознаніе этой гармоніи утѣшало Золя, хотя онъ ничуть не думалъ, чтобы Природа видѣла его старанія и дѣлала какое-нибудь различіе между трудолюбивымъ и лѣнтяемъ.

Эта потребность своей гармоніи съ „высшею міровою силой“ совершенно безкорыстна у человѣка. Она вытекаетъ изъ его природы.

Съ точки зрѣнія невѣрующаго, ее ничѣмъ нельзя объяснить, и приходится опредѣлить какъ нѣкоторое основное психическое свойство подобное физической силѣ тяготѣнія. Съ точки же зрѣнія вѣрующихъ, въ этой психической чертѣ проявляется тотъ фактъ, что нашъ духъ, Богомъ въ насъ вложенный, чувствуетъ свое родство съ Наивысшею Силой, тянется къ ней, ищетъ единства съ ней и неспособенъ почувствовать себя удовлетвореннымъ жизнью иначе, какъ достигая дѣйствительнаго, или хоть кажущагося, объединенія своего внутренняго міра съ наивысшею силой, какую только онъ сумѣлъ отыскать въ мірѣ внѣшнемъ.

Свое представленіе о томъ, въ чемъ состоитъ главная, высшая міровая сила—и свое стремленіе быть съ ней въ гармоніи—человѣкъ налагаетъ на всѣ области своего творчества, въ томъ числѣ и на государственность.

Поэтому государству происходится заботливо беречь и поддерживать все то, въ чемъ происходитъ самое *зарожденіе* нравственнаго чувства.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—это общій фактъ исторіи—люди сами прямо связываютъ источникъ своего нравственнаго чувства съ Божествомъ. Они видятъ именно въ Богѣ ту высшую силу, гармонія съ которой составляетъ ихъ нравственность. Нравственность истекаетъ изъ религіи, религія истолковываетъ и утверждаетъ нравственность.

При этомъ, какъ извѣстно, общій историческій фактъ состоитъ въ томъ, что люди соединяются въ особыя общества для совмѣстной жизни своими религіозно-нравственными задачами. Эти религіозныя организаціи переплетаются съ соціальными и политическими, но вполнѣ съ ними не сливаются даже въ наиболѣе теократическихъ государствахъ.

Въ христіанскомъ мірѣ коллективная религіозная жизнь совершается въ Церкви...

Такимъ-то образомъ, потребность охранить и развить общественную нравственность естественно приводитъ Государство къ связи съ Церковью. Стараясь помочь Церкви возможно успѣшнѣе морализировать общество, Государство имѣетъ въ виду воспользоваться въ своемъ дѣлѣ тѣмъ нравственнымъ капиталомъ, который она вырабатываетъ въ людяхъ. Понятно, какъ важна становится задача правильно поставить этотъ „союзъ“ гражданскаго и духовнаго общества, такъ чтобы они помогали взаимно и ни въ чемъ другъ другу не мѣшали.

Эту задачу никакъ нельзя рѣшить простымъ взаимнымъ отчужденіемъ, отдѣленіемъ Церкви отъ Государства.

Наука, напримѣръ, составляетъ также область *свободы*, какъ и вѣра. Ни науку, ни вѣру Государство не можетъ направлять. Однако мы видимъ, какъ велики заботы государства объ *учрежденіяхъ*, гдѣ зрѣетъ наука: университетахъ, академіяхъ, библіотекахъ, музеяхъ и т. д. То же самое, при логичности государственной мысли, естественно видѣть и въ отношеніи Церкви.

Отсюда въ исторіи христіанскаго міра вопросъ о государственно-церковныхъ отношеніяхъ игралъ такую огромную роль, и различныя его рѣшенія отзывались такими важными послѣдствіями. Въ настоящую эпоху установка правильности въ этихъ отношеніяхъ, можетъ быть, еще важнѣе, чѣмъ прежде. Но вниманіе къ ней, къ сожалѣнію, весьма ослабѣло, вслѣдствіе того, что теперь противъ „религіозной“ системы морали выступила идея и система „автономной нравственности“.

III.

Религіозная нравственность, признавая моральное чувство основнымъ, врожденнымъ, не не признаетъ его, однако, „самобытнымъ“, „автономнымъ“... Источникъ этого чувства она видитъ въ Богѣ, почему и вѣрное или ложное направленіе морали ставитъ въ зависимость отъ соотвѣтствія ея съ идеаломъ, указаннымъ Богомъ.

Автономная мораль, напротивъ, основана на предположеніи, что врожденное нравственное чувство само по себѣ руководитъ человѣкомъ. Мы не знаемъ, откуда идетъ это чувство, этотъ какъ выражаются, „альтруизмъ“, но оно руководитъ нашими нравственными поступками, какъ какъ сила тяготѣнія — движеніемъ небесныхъ свѣтилъ. Религіозное начало, какъ импульсъ, съ съ этой точки зрѣнія, не нужно. Для уясненія же того, что должно и чего не должно дѣлать, требуется просвѣщеніе, знаніе потребностей человѣка и общества, пониманія солидарности человѣческихъ интересовъ и т. д.

Съ этой точки зрѣнія, дѣло государства, для развитія нравственности, сводится къ развитію школы и умноженію прочихъ способовъ разлитія просвѣщенія, пожалуй съ преподаваніемъ „курсовъ морали“.

Тенденція замѣнить Церковь школой теперь очень сильна, и практически государство и законъ современныхъ странъ сдѣлали уже очень много для торжества идеи автономной морали въ подрывъ религіозной. Этого нельзя не признать огромною ошибкой. Она была совершена изъ очень почтенаго стремленія поставить государственное строеніе въ связь съ наукой. Но дѣло въ томъ, что наука именно въ этой области вопросовъ не знаетъ ничего достаточно точнаго, и представляетъ лишь рядъ недоказанныхъ гипотезъ. Изъ-за столь нетвердыхъ теорій государство никакъ не должно бы отбрасывать данныхъ своего тысячелѣтняго опыта, побуждающаго его стоять на почвѣ религіозной морали.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о научной слабости идеи автономной морали, во всякомъ случаѣ должно сказать, что съ соціальной и политической точекъ зрѣнія она совершенно непригодна для устроенія общества: напротивъ, она грозитъ самому его существованію.

На это, съ точки зрѣнія государственной, имѣется рядъ серіознѣйшихъ соображеній.

Прежде всего, съ точки зрѣнія общественной, удобна лишь мораль единообразная для всѣхъ людей. Мораль подобна закону: кромѣ своего содержанія, она въ человѣкѣ важна для всѣхъ окружающихъ тѣмъ, что они могутъ заранѣе приблизительно знать, какъ поступитъ данный человѣкъ, чѣмъ отвѣтитъ онъ на поступки окружающихъ? Если есть много законовъ, противорѣчащихъ одинъ другому, то это хуже чѣмъ полное отсутствіе закона. Различіе правилъ нравственности порождало бы еще большую путаницу отношеній. Никто не могъ бы знать, какъ поступитъ его ближній, и въ концѣ концовъ можно совсѣмъ растеряться: помогать ли ближнему, или прятаться отъ людей подальше, пока цѣлъ? Между тѣмъ „автономная“ мораль ведетъ именно къ безконечному многообразію нравственныхъ правилъ, къ исчезновенію какой бы то ни было общепринятой линіи поведенія.

Сверхъ того, право личности имѣть „автономную“ мораль уничтожаетъ возможность нравственной общественной дисциплины. Какую бы гнусность ни совершилъ человѣкъ, онъ всегда имѣетъ возможность заявить, что по „его морали—такой поступокъ дозволителенъ или даже очень возвышенъ. Мы это уже видимъ у анархистовъ. Общество не имѣетъ мѣрки для для обличенія лжи такого заявленія. Оно можетъ убить такого человѣка, но не можетъ его

нравственно судить и осудить. А это „нравственное“ осужденіе есть могущественнѣйшее орудіе общества для воспитаніе личности, начиная съ дѣтскаго возраста и въ теченіе почти всей жизни человѣка.

Автономность морали, наконецъ, подрываетъ и силу закона. Правила закона, для того чтобы быть убѣдительными, должны сообразоваться съ правилами нравственности. Иначе законъ становится въ глазахъ общества актомъ произвола или фантазіи. Его исполненіе будетъ поддерживаться только силой, то-есть, значитъ, въ большинствѣ случаевъ законъ совсѣмъ не будетъ исполняться. Для того чтобы быть сильнымъ, законъ долженъ совпадать съ голосомъ морали. Но съ какою же „офиціальною“ моралью сообразовать его, если автономность морали будетъ порождать въ обществѣ самыя различныя системы кружковой и даже единоличной морали?

Въ общей сложности, автономность морали приводитъ такимъ образомъ къ нравственному хаосу, при которомъ невозможны ни законъ, ни обычай, ни общественное мнѣніе, то-есть вообще никакая соціальная или политическая дисциплина. Общество и государство должны были бы при этомъ или уничтожиться, или держаться чистымъ деспотизмомъ, лишеннымъ всякаго нравственнаго руководства и контроля.

Но эти соображенія еще не исчерпываютъ вопроса. Должно еще обратить вниманіе на то, какой общій нравственный типъ вырабатываетъ автономная мораль въ личностяхъ, при всемъ разнообразіи частныхъ правилъ поведенія, являющихся у нихъ, такъ сказать, по „фантазіи“ каждаго.

Оставляя даже въ сторонѣ прямую развращенность, разнуздывающіеся инстинкты хищничества и тому подобныя явленія, которыя развиваются подъ все допускающимъ покровомъ автономности, и беря во вниманіе только натуры избранныя, одаренныя дѣйствительно тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, мы все-таки получаемъ въ нихъ крайне вредный, безплодно-революціонный типъ, элементъ вѣчно стремящійся къ разрушенію общественно-политическихъ формъ, но неудовлетворимый никакими новыми построеніями. Фактическую картину этого мы уже болѣе ста лѣтъ наблюдаемъ въ культурномъ мірѣ.

Въ теченіе почти уже полутора вѣковъ порядокъ политической и соціальной жизни нашихъ культурныхъ странъ постоянно возмущается въ глубочайшихъ основахъ, идетъ безпрерывная ломка всего вчера воздвигнутаго, и лихорадочно спѣшно строится новое для того, чтобы завтра подвергнуться такой же радикальной ломкѣ. Никогда еще человѣческая исторія

не знала такого ненормальнаго стремленія къ перестройкѣ каждымъ поколѣніемъ всего, построеннаго предыдущимъ поколѣніемъ. Для всякаго сколько-нибудь хладнокровнаго наблюдателя явно, что этотъ характеръ „творчества“ совершенно безплодно истощаетъ общественныя силы.

Совершенно естественно, что въ человѣческомъ обществѣ всегда время отъ времени оказываются нужными различныя поправки и измѣненія, сообразно вновь являющимся обстоятельствамъ. Но не менѣе ясно, что при всѣхъ этихъ поправкахъ, хотя бы онѣ назывались громкимъ именемъ „революціи“, ничего существенно новаго не создается и даже не можетъ быть создано. Процессы политическіе и соціальные, подобно всѣмъ явленіямъ природы, совершаются на основаніи вполнѣ незыблемыхъ внутреннихъ законовъ, которые дѣйствуютъ по-своему, невзирая ни на какія наши идеи. Въ безсознательномъ скопленіи дикихъ Бушменовъ, не умѣющихъ формулировать своей „конституціи“, или у прославленныхъ юридическимъ умомъ Римлянъ, или въ современныхъ конституціонныхъ монархіяхъ, строй которыхъ дополненъ даже самыми новѣйшими созданіями рабочаго законодательства: вездѣ и всегда дѣйствуютъ одни и тѣ же соціально-политическія силы и законы. Ихъ измѣненія не бываетъ, и

въ этомъ смыслѣ „революціи“ не существуетъ на свѣтѣ.

Но потому-то стремленіе къ непремѣнному измѣненію самыхъ основъ общества и есть стремленіе болѣзненное и прямо ненормальное. Если бы мы могли дѣйствительно измѣнять законы природы, то въ стремленіи къ этому не было бы нелѣпости. Можно было бы разсуждать и спорить только о томъ, какъ это получше сдѣлать. Но сочинять теоріи, возмущать весь міръ, рѣзаться между собою и ломать каждое поколѣніе свой строй, для того чтобы измѣнить движеніе небесныхъ свѣтилъ или законы преломленія лучей свѣта,—это, конечно, было бы сценой изъ сумасшедшаго дома.

Между тѣмъ отъ этой сцены очень недалеко ушли иныя странички современной исторіи, начиная отъ именуемой „великой“ революціи и кончая современными соціалистическими планами „будущаго строя“.

IV.

Причина этого историческаго явленія, котораго двигателями были, однако, не сумасшедшіе, а люди нерѣдко высоко-одаренные и высокаго нравственнаго напряженія,—причина эта состоитъ въ переносѣ „духовныхъ“ стремленій человѣка въ область соціально-политическую, которая вовсе не способна ихъ испомѣстить. Этотъ же переносъ составляетъ неизбѣжное послѣдствіе „автономности“ человѣческой личности, „автономности морали“.

На самомъ дѣлѣ, по природѣ своего духовнаго начала, личность вовсе не автономна, ея нравственное начало не автономно. Духовный элементъ человѣка есть отраженіе Божества, это духъ Бога. Будучи свободенъ, духъ нашъ именно не автономенъ, а, происходя отъ Бога, съ Нимъ тѣсно связанъ и можетъ жить нормально лишь въ связи съ Богомъ. Стремленія духа отличаются абсолютностью и удовлетворимы только жизнью съ Богомъ, Который есть единственное Абсолютное Существованіе. Но

когда человѣкъ разрываетъ связь съ Богомъ, то-есть съ Источникомъ своей духовной жизни, то получаетъ лже-ощущеніе „автономности“.

Нося въ себѣ требованія абсолютнаго, человѣкъ чувствуетъ что они внушаются ему не міромъ, не земною природой, гдѣ совсѣмъ нѣтъ ничего абсолютнаго и все явно относительно. Поэтому человѣку, оставившему связь съ Богомъ, кажется, будто бы эти абсолютныя, духовныя стремленія рождаются *въ немъ самомъ*, порождаются имъ самимъ. Посему онъ кажется самому себѣ какъ бы началомъ, источникомъ духовныхъ стремленій, которыя ему дороже всего въ мірѣ. Онъ въ этомъ отношеніи выше міра, независимъ отъ міра, „автономенъ“... если только нѣтъ Бога... или если человѣкъ не чувствуетъ съ Нимъ связи.

Эта „автономная“ личность, со своими „автономными“ нравственными стремленіями, принуждена, однако, жить здѣсь, на землѣ, среди явленій природы, среди условій соціально-политическихъ. Мало того, что должна жить: она должна дѣйствовать.

Духовное начало есть элементъ непремѣнной дѣятельности.

Это элементъ творческій: такова его божественная природа. Духъ есть жизнь, жизнь есть состояніе активное. „Автономная“ личность могла оторваться отъ Бога, но остается со сво-

ими свойствами духа. Гдѣ же ей дѣйствовать?

Въ природѣ, за отстраненіемъ жизни религіозной, есть лишь одна область, въ которой имѣются нѣкоторыя отраженія духовности: это жизнь соціально-политическая.

Хотя она тѣсно связана съ законами природы органической и даже неорганической, и потому проникнута законами необходимости и относительности,—тѣмъ не менѣе, эта среда, созданная для земной жизни человѣка, даетъ нѣкоторое мѣсто и для проявленія духовныхъ стремленій. Естественно, что эта среда „надъ—органической жизни“, какъ выражаются нѣкоторые ученые, и привлекаетъ къ себѣ жаждущую дѣятельности „автономную“ личность.

Если къ общественной жизни приходитъ личность, полная духовныхъ стремленій, но свободная отъ лжеощущенія своей воображаемой „автономности“, то вліяніе такой личности на общественную и политическую жизнь въ высшей степени благодѣтельно.

Это и есть праведники, спасающіе города грѣшниковъ, ими живетъ общество, ими поддерживается правда въ коллективной жизни человѣчества.

Но воздѣйствіе „автономной“ личности есть для общества истинное бѣдствіе.

Эта личность желаетъ заставить міръ относительнаго, во что бы то ни стало, дать удо-

влетвореніе ея абсолютнымъ стремленіямъ. Покориться законамъ міра она не согласна.

Она чувствуетъ себя выше міра, чувствуетъ себя независимою отъ него, она не видитъ ничего выше и сильнѣе самой себя. Поэтому ни при какихъ разочарованіяхъ она психологически не способна примириться съ мыслью, что природы не передѣлаешь. Такой человѣкъ не усовершенствуетъ общества, потому что справедливо понимаетъ, что оно, и „усовершенствованное“, все-таки очень плохо съ точки зрѣнія духовныхъ идеаловъ. Поэтому онъ радикально все разрушаетъ и строитъ заново. Но увы,— послѣ этого получается приблизительно то же, самое, что было раньше. Тогда начинается выдумываніе новой идеи, опять ломка, опять постройка, и опять, понятно, съ тѣми же результатами... Да еще и хуже, потому что теоретическое построеніе, на видъ остроумное, все же не предвидитъ многаго, что раньше было создано опытомъ. „Автономъ“ презираетъ опытъ:

Будь ты проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ—умъ глупцовъ...

Такъ восклицаетъ онъ и утѣшаетъ себя мыслью:

Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не сумѣетъ,—
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой...

Но сонъ остается сномъ, а дѣйствительность становится все хуже отъ ломокъ, постоянно нарушающихъ порядокъ, потому что нарушеніями нормъ лучше всего пользуются именно разные пройдохи, для которыхъ сущій кладъ всѣ эти революціи, дающія изобрѣтательному дѣльцу все новыя, раньше не извѣданныя, формы эксплуатаціи, не закрытыя еще ни закономъ государства, ни опытомъ публики, какъ были закрыты прежнія.

На всѣ эти разрушенія своихъ надеждъ „автономная“ личность способна однако отвѣчать только новыми ломками и фантастическими построеніями... и такъ безъ конца.

При этомъ еще, должно замѣтить, люди этого нравственнаго типа желаютъ непремѣнно дѣлъ „великихъ“, „всеобъемлющихъ“. Стремленіе къ абсолютному дѣлаетъ для нихъ скучною мелкую работу пересозданія или разрушенія только вокругъ себя. Этому типу нужно все общество, даже все человѣчество. Тѣмъ шире становятся послѣднія этой подтачивающей и разрушающей дѣятельности.

Удобны ли такіе граждане съ точки зрѣнія разумнаго и благожелательнаго законодателя и устроителя государства? Выгодно ли воспитаніе общества въ такой системѣ нравственности, которая даже изъ лучшихъ натуръ создаетъ общественную язву?

V.

Нравственность дѣйствительная, прочная, съ нравственнымъ закономъ, независящимъ отъ произвола и имѣющимъ характеръ всеобщности,—дается только *религіей.* Этою „религіозною нравственностью“ всегда и жило человѣчество; остатками, привычками, ея живутъ эпохи сознательно покидающіе Бога.

Въ нашъ вѣкъ сами люди „автономной“ морали нерѣдко должны бы были повторить слова г-жи Роланъ: „Я оставила христіанскую вѣру, но всю жизнь поступала такъ, какъ еслибъ я была христіанка“. Но это значитъ жить прежнимъ капиталомъ, и благо, пока онъ есть... Однако, если его только тратить, не накопляя, не возобновляя, то обществу не избѣжать нравственнаго банкротства.

А потому государственный человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ лично скептиченъ, не можетъ не считать для блага государства величайшею драгоцѣнностью тѣ религіозныя учрежденія, въ которыхъ люди выращиваютъ и воспитываютъ

свое религіозное чувство, дающее имъ крѣпкое нравственное чувство и правила поведенія.

Обрисовавъ выше моральныя послѣдствія „автономной“ нравственности, намъ полезно въ параллель вспомнить идеальный нравственный типъ христіанина.

Нравственность христіанина зависитъ не отъ страха закона и даже не общественнаго порицанія. Въ основѣ христіанинъ стремится къ нравственному „Богоподобію“, имѣя живой идеалъ во Христѣ, а способы и правила въ достиженіи этого (хотя и недостижимаго) идеала въ ученіи и руководствѣ своей Церкви. При такомъ стремленіи, христіанинъ живетъ въ общеніи съ Богомъ, а это и есть его *духовная* жизнь.

Пусть невѣрующіе улыбаются, если угодно, но христіанинъ по опыту знаетъ, что это жизнь вполнѣ реальная, даже болѣе реальная, чѣмъ всѣ формы жизни матеріальной, животной. Христіанинъ знаетъ, что общеніе съ Богомъ даетъ ему и силу, и счастье. Его задачи жизни не исчерпываются въ земномъ существованіи, и здѣсь неосуществимы полностью. Міръ для него лишь арена борьбы за свой нравственный типъ и за пріобщеніе къ нему возможно большаго числа другихъ людей: это и есть христіанское „спасеніе“.

Жить должно по „правдѣ“ и вездѣ вокругъ

себя должно поддерживать эту „правду“. Но христіанинъ очень хорошо знаетъ, что достиженіе правды *здѣсь* возможно лишь очень относительно, по причинѣ силы зла, грѣха, во всѣхъ людяхъ, и въ каждомъ изъ насъ. Поэтому христіанинъ вовсе не революціонеръ.

Христіанинъ знаетъ, что общія формы жизни созданы Богомъ примѣнительно къ природѣ человѣка, а потому ломать законы соціальной жизни онъ не станетъ. Улучшать же общественную жизнь христіанинъ всегда готовъ, по своей обязанности и личной потребности поддерживать и умножать господство правды.

Поэтому-то христіанинъ, какъ гражданинъ, отличается, съ государственной точки зрѣнія, наилучшими качествами. Онъ служитъ не за страхъ, а за совѣсть, служитъ „дѣлу“, а не лицамъ, ищетъ счастья и блага настоящихъ живыхъ людей, а не отвлеченностей, какъ „человѣчество“. Онъ, наконецъ, думаетъ не о количественномъ величіи работы, а объ ея качественномъ совершенствѣ, и потому не тянется непремѣнно на верхи правленія, къ первымъ, громкимъ ролямъ, а столь же удовлетворяется работой въ своей семьѣ, въ своей общинѣ, въ кругу своихъ знакомыхъ, въ приходѣ, корпораціи и т. д.

Съ государственной точки зрѣнія, именно такой типъ и нуженъ для здоровой жизни обще-

ства и государства. Онъ даетъ тотъ скромный, молчаливый подвигъ, какъ бы не сознающій своего величія, которымъ еще и теперь мы любимъ хвалиться, какъ „типично Русскимъ“, хотя на самомъ дѣлѣ этотъ типъ уже почти исчезаетъ у насъ, подъ разлагающимъ вліяніемъ невѣрія. Но, разумѣется, величайшею заботой правителя, достойнаго своего мѣста, должно быть возможно большее сохраненіе и, если возможно, воскресеніе и развитіе именно этого нравственнаго типа, который представляетъ надежнѣйшую преграду противъ общественной и политической деморализаціи.

Казалось бы, именно въ наше время мысль государственнаго дѣятеля особенно должна обращаться къ вопросу о средствахъ поддержать дѣятельность Церкви, развивающей въ населеніи христіанскій духъ. Въ дѣйствительности, этого не замѣчается. Явленіе, повидимому, странное. Но оно объясняется, я полагаю, не непониманіемъ высокой цѣнности христіанскаго типа личности, съ точки зрѣнія общественной, а невѣріемъ въ возможность поддержать существованіе этого типа.

Для государственнаго дѣятеля совершенно ясно, что *своими* средствами онъ этого сдѣлать не можетъ. Этотъ типъ рождается только въ Церкви, ею порождается и развивается. Между тѣмъ сила Церкви продолжать это, въ настоя-

щее время—подвергнута сомнѣнію, на основаніи того факта, что умы и совѣсти людей стали почти повсюду какъ бы ускользать отъ нея. И вотъ является мысль: „Хорошъ *былъ* типъ, и хорошо бы его имѣть... да вѣдь это невозможно, это пережитой фазисъ развитія, къ нему не вернутся“...

Въ этомъ разсужденіи кроется ошибка, какъ въ опредѣленіи факта, такъ и въ умозаключеніи.

VI.

Ошибка въ опредѣленіи факта состоитъ въ невѣрномъ предположеніи, будто бы христіанское міровоззрѣніе и жизнь составляютъ нѣчто „пережитое“, уходящее изъ дѣйствительности въ область прошлаго. Христіанское міровоззрѣніе, съ основанною на немъ жизнью, составляетъ, какъ и прежде, достояніе милліоновъ людей. Какъ теперь такъ и прежде, множество милліоновъ людей были и остаются ниже этого міровоззрѣнія. Разница только въ томъ, что прежде люди христіанской выработки, благодаря стараніямъ государственной политики, *давали тонъ* жизни всей остальной массѣ мысли, а теперь — нѣтъ. Нынѣшнее отстраненіе ихъ—создано самою государственною политикой по отношенію къ Церкви.

Защита Государства противъ притязаній церковной іерархіи породила обратное явленіе—захватъ государствомъ власти надъ Церковью, стремленіе подчинить Церковь государству. Въ настоящее время нѣтъ ни одного Государства

безъ этого грѣха. А между тѣмъ—такая политика равносильна отрицанію Церкви, подрыву или уничтоженію возможности ея вліянія на народъ.

Какъ только произошло *фактическое* подчиненіе Церкви соображеніямъ Государства, этимъ самымъ Государство отнимаетъ у себя возможность получать отъ Церкви именно то, въ чемъ нуждается.

Конечно, Церковь и при этомъ существуетъ, живетъ и дѣйствуетъ, но сфера ея духовнаго вліянія, сфера порожденія ею „духовнаго“ человѣка суживается. Являтся широкія области, гдѣ ея дѣйствіе значится только формально, а стало-быть и фиктивно. Между тѣмъ, все, что живетъ въ Церкви только фиктивно, способно лишь умножать невѣріе и порождать тотъ „автономизмъ“ личности, который такъ страшенъ для человѣческой общественности. Какъ только расширяется и становится замѣтною *фиктивная* область кажущейся, но не дѣйствительной религіозной жизни, тутъ уже Церковь не можетъ давать тона нравственной общественной жизни. А съ государственной точки зрѣнія это, однако, и есть самое важное, ибо для Государства важна не столько горсть „избранныхъ“, остающаяся дѣйствительными христіанами, а то—чтобы нравственный типъ этихъ избранныхъ былъ предметомъ подражанія, образчикомъ по возможности *для всѣхъ*.

Для современной государственности, подрываемой все возрастающею нравственною расшатанностью людей, теперь все болѣе настоятельнымъ становится вспомнить вопросъ объ установкѣ правильнаго, искренняго отношенія государства къ Церкви. Задача для Государста состоитъ въ томъ, чтобы дать Церкви самостоятельность, возможность быть такою организаціей, какою она должна быть по *своимъ* законамъ, и при этомъ остаться съ нею въ союзѣ.